

Рец.:

Марсель Плантевинь. С Марселем Прустом

Plantevignes, Marcel. Avec Marcel Proust:

Causeries – Souvenirs sur Cabourg

et le Boulevard Haussmann.

Paris: A.G. Nizet, 1966. – 686 p.

В одной из парижских гостиных собеседник Марселя Пруста сказал ему самым естественным образом: «То же самое Людовик XV говаривал моему деду». Пруст не мог сдержать возгласа изумления, усумнившись в том, что дед его современника жил в середине XVIII века, но получил убедительные тому доказательства со ссылками на поздние браки и долголетие двух поколений. Тем не менее, Пруста не покидало чувство невероятия, смещения времени, разговора с историей.

Подобное ощущение испытываем и мы, читая мемуары Марселя Плантевиня, в которых рассказан этот анекдот. В самом деле, трудно поверить в то, что наш современник мог быть в течение ряда лет почти ежедневным собеседником Марселя Пруста, принимать участие вместе с Рейнальдо Аном в обсуждении только что написанных страниц «Поисков утраченного времени», подсказать писателю название романа «Под сенью девушек в цвету», ездить с ним любоваться ночным заснеженным Версалем, быть нечаянным «виновником» его знакомства с Агостинелли. И все же это так. Достоверность записок Плантевиня не вызывает почти никаких сомнений, за исключением некоторых мест, когда автор заставляет Пруста пересказывать цитаты из его книг. Однако эти вполне объяснимые aberrации, старческое многословие, повторы и композиционная разбросанность нисколько не умаляют значения новых воспоминаний о Прусте.

Марсель Плантевинь познакомился с Прустом в 1908 г. на курорте в Кабуре, описанном в «Поисках утраченного времени» под названием Бальбека. Виконтесса д'Альтон представила девятнадцатилетнего юношу своему парижскому знакомому, г-ну Прусту, и вскоре между ними установились близкие, дружеские отношения. В течение трех лет (1908-1910) во время курортного сезона Плантевинь ежевечерне навещал Пруста в Кабурском отеле, а зимой часто бывал в ныне легендарной квартире на бульваре Османн. Визиты Плантевиня к Прусту продолжались до 1914 г., заглохло их знакомство во время первой мировой войны.

Многие страницы книги Плантевиня хранят драгоценные приметы внешнего облика писателя, его обычаев, причуд, странностей. Сообщаемые им подробности не вступают в противоречие с теми сведениями о Прусте-человеке, которые приводят другие мемуаристы. Так, Плантевинь отмечает баснословную щедрость Пруста (он никогда не давал меньше луидора «на чай»), описывает сложный протокол приема им посетителей, подчеркивает необычайность всей его личности. Следует отметить прелестный рассказ самого Пруста Плантевиню о том, как он явился в ложу принцессы Эдмон де Полиньяк, надев по рассеянности вместо фрака старую домашнюю куртку поверх безупречного пластрона и изысканного жилета.

Однако «очарованье мелочей» не заслоняет для Плантевиня главного в Прусте - писателя, в гений которого он поверил сразу и безраздельно. Мемуарист сообщает ценные сведения о литературных вкусах и привязанностях Пруста. Так, среди писателей XVII века, помимо уже известных Сен-Симона и Лабрюйера, он указывает в «круге чтения» Пруста Боссюэ. Среди поэтов Пруст выше всех ставил Бодлера и, по словам Плантевиня, незабываемо читал его. Любимыми стихотворениями Пруста у Бодлера были «Песнь Осени» и «Балкон». Другие поэтические пристрастия Пруста характеризуют его как писателя, который в гораздо большей степени, чем ряд его современников, был связан с литературой «конца века». Так, если до сих пор мы знали Пруста как поклонника поэзии Анны де Ноай, то теперь Плантевинь называет еще имена Сюлли-Прюдомма и Самена. Характерные штрихи - действительно, трудно

представить себе, скажем, Поля Валери или Андре Жида декламирующими «*Ici-bas tous les lilas meurent...*» или «*Le vase brisé*». Наконец, небезынтересно узнать те «лучшие французские книги», которые Пруст назвал в ответ на настоятельные просьбы девятнадцатилетнего юнца, несмотря на все свое нежелание заниматься иерархией литературных ценностей: «Доминик» Фромантена; «Воспитание чувств» Флобера; «Адольф» Бенжамена Констана; «Пармская обитель» и «Красное и черное» Стендаля; «Замогильные записки» Шатобриана; «Коринфская свадьба» Анатоля Франса.

Значительная часть книги посвящена работе Пруста над «Поисками утраченного времени». Согласно Плантевиню, первый вариант романа, заключавший основной материал нынешних книг «В сторону Сванна», «Под сенью девушек в цвету», «Сторона Германтов», «Содом и Гоморра» и «Обретенное время», был закончен к лету 1910 г. Целиком после 1914 г. были написаны лишь «Пленница» и «Исчезнувшая Альбертина» («Беглянка»). Эти данные являются, пожалуй, наиболее значительными свидетельствами книги Плантевиня. Как курьез можно отметить, что автор был очевидцем некоторых сцен, натолкнувших Пруста на создание соответствующих эпизодов в его романе (танец Альбертины и Андреи, наблюдаемый Коттаром в «Содоме и Гоморре»; прыжок Андреи над головой старика-банкира в «Под сенью девушек в цвету»), равно как и то, что ряд светских анекдотов, услышанных Плантевином от Пруста, со временем перешел в «Поиски» (реплика Шарлюса г-ну Вердюрену, обеспокоенному тем, что барон посажен за столом не по чину). Нам сообщается также, что фамилию Германт Пруст заимствовал для своего романа из «Нового гербовника библиофила» Жоанниса Гигара (Париж, 1890), который ему дал посмотреть Плантевинь.

На этом надо остановиться, ибо нет никакой возможности исчерпать в кратком очерке содержания интереснейших записок Плантевиня. Добавим еще, что, по словам мемуариста, живая интонация Пруста, его манера речи наиболее запечатлена на страницах «Пленницы», где рассказчик беседует с Альбертиной о Вермеере, Стендале, Достоевском.

Совр. худож. лит. за рубежом. – М.: ВГБИЛ, 1968. – № 4 (70). – С. 212-216.